

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

кандидата филологических наук

Голубович Ксении Олега

на диссертацию Зыгмонта Алексея Игоревича

«Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая»

на соискание ученой степени кандидата философских наук

по специальности 09.00.03 — История философии

Жорж Батай является одной из важнейших фигур на философском горизонте Франции XX века, и не в последнюю очередь потому, что ставил задачу разработки нового стиля мышления в условиях изменяющегося и катастрофически опасного мира. По сути, Батай переживает радикальный переход от прогрессивистского, ориентированного на поступательное движение общества к обществу, которое ужасается самому себе, обществу, которое переживает угрозу тотальной войны, после которой человечество может не выжить. В этих условиях мысли грозит опасность отступления: от собственной напряженности и свободы — разве не гегелевская, не ницшеанская радикальность привела нас к такой катастрофе? Гегель с его развитием мирового духа, который, двигаясь через механизм отрицания, не спрашивает о цене, которую мы платим за это движение. Вот он, соблазн коммунизма. И Ницше, говорящий о становлении животным, о преодолении человека и пересмотре всех и всяческих ценностей. Соблазн фашизма, против которого активно выступает Батай в 30-е годы. Разве обе эти философские стратегии не похожи на то, что творится за окном? И если да — то не стоит ли уклониться от такой философии, не стоит ли испугаться такой «мысли»?

А мысли, собственно, о чем? Мысли о насилии. Потому что то, что именуется у Гегеля «отрицанием» и является главным механизмом действия его диалектики, на уровне отдельной человеческой жизни называется «насилием», и никакой диалектики не предполагает — вырванные глаза, отрезанные уши, разрозненные члены тел не соединяются воедино. Жорж Батай собственно и занят тем, что происходит на уровне отдельной «жизни», когда сквозь нее проходят потоки ее превышающие, то есть по сути скрепящая Ницше и Гегеля на общем концептуальном плане. Но разве не этим же занят XX век? Отличие Жоржа Батая в том, что он не пытается сразу же подыскивать каких-то морализаторских формул, чтобы «спрятать» насилие, осудить его и тем самым «снять».

Насилие показало себя как никогда, как мало с чем сравнимая мощь, обуревающая массы, сравнимая с землей города. И Батай движется по его следу всерьез, принимает его всерьез, по сути мыслит его из него самого, не из высших в отношении него ценностей, и создает одну из оригинальных и мощных концепций открывающегося нового мира — не прибегая к ценностному ряду мира, ушедшего навсегда. Это пост-гуманистический мир, но при этом мир, в котором найден ответ о том, почему человек необходим. Новый человек, способный видеть насилие, учитывать его как собственную часть, которую Батай будет называть «проклятой» или же «священной», начиная исследовать как из взаимодействия с этой частью создается и человеческая реальность и то, что эту реальность уничтожает.

В заслугу диссертации Алексея Зыгмонта входит выделение «насилия и священного», насилия и сакрального, как главного ядра философии Жоржа Батая. Это сразу же позволяет поставить правильный фокус на весь корпус его текстов, сгруппировать их тематически и хронологически. Что было бы сделать не так просто, учитывая и разные жанры текстов, и многоплановость работы Батая, и многоименность его концептов, и литературность, а значит образность, а подчас вязкость и непроницаемость, его стиля. Тексты ведут в разных направлениях, как верный ученик Ницше, Батай может выдвинуть перед нами много масок. Алексею Зыгмонту с самого начала удастся свести все к главному плану, обнаружить узел этой концепции, потянув за который мы можем поднять на поверхность обзора максимальную часть текстового «корпуса» Батая и его тем, начиная с темы солнца и кончая устройством общества и войны. Амбициозность проекта Зыгмонта состоит в том, что шаг за шагом он хочет как бы проработать то первое мыслительное зерно, которое обнаруживает в самых ранних работах Жоржа Батая, и показать развитие этого зерна до всеобъемлющей философской теории, которая касается всех сфер человеческой жизни, стоит на современном типе антропологического и этнографического, социологического знания и при этом отвечает на важнейший для всех современников вопрос о тотальной войне на уничтожение. Этот вопрос в теории Батая, как показывает диссертация в 5 главе, оканчивается парадоксом — парадокс о том, почему же в итоге «тотальная война» оказывается не нужна в мире подлинного «насилия». По сути, апроприировав тему насилия, Батай с ее помощью борется за жизнь в радикальном жертвенном пацифизме (что безусловно сближает его с такими авторами, как Симона Вейль). В этом сказывается великая непримиримость философа, который приходит, быть может, к тем же самым «этическим» выводам, но на основе полной верности и доверия к собственной радикальности и свободе, а не высших ценностей, обеспечивающих выживание.

Такой общей композицией своей диссертации — от зерна личного опыта к максимальной охвата и свидетельства в истории — Алексей Зыгмонт позволяет нам увидеть и интеллектуальную биографию мыслителя, и интеллектуальную биографию того мира, в котором он работал, одновременно пройти вслед за его мыслью к тому, что становится «главным вопросом», решаемой проблемой, а именно, как используя оператор «насилие/сакральное», оператор имманентный, не указывающий в сторону никаких высших ценностей, человеческое общество, тем не менее, может иметь шанс на продолжение жизни. Почему у жизни вообще есть этот шанс. Что такое жизнь — что до сих пор мы упускали в ней, вытесняли в ней.

Композиция диссертации, рассматривая движение созревания мысли Батая, по сути дела ведет нас на более общий простор дискуссии, и вводит, актуализует мысль Батая в современном непростом контексте, ставя его в разряд мыслителей и теоретиков войны, включая в диалог с такими ее до сих пор изучаемыми авторами, как, например, Юнгер.

Вообще, одной из главных заслуг диссертации нам представляется сам метод, ею избранный. С одной стороны, это «генеалогия» понятия, и здесь важнейшим является разработка связки Гегель-Ницше, пришедшей к Батаю через его учителей, Льва Шестова и Александра Кожева. С другой стороны — использование философской техники Жюль Делеза, когда по сути каждое название, слово-титул из общей родственной серии является концептуальным персонажем, что позволяет ставить «абстрактное» понятие, такое как «насилие» или «труд» и вводить литературную фигуру Икара, Прометея или Ацефала, отрезавшего себе ухо Ванг Гога или же Диониса, и при этом делать это не на условиях литературы, а сохраняя стабильную цельность философского письма.

Это отдельное и важное замечание. Все дело в том, что с философами современного толка, то есть с философами, идущими по граням литературы и стиля, будет явным методологическим нарушением допускать сухой понятийный анализ. Такой анализ будет противодействовать именно тем усилиям, которые предпринимают философы в своем сопротивлении излишней рационализации своего мышления, и будет упускать ту мысль, то ее напряжение, которое удерживают их парадоксы. С другой стороны, литературность может выступить как соблазн для мышления, особенно в исследовательском тексте. И нам представляется, что в данной диссертации попытка оказалась успешной — и она может служить подспорьем для тех, кто в дальнейшем будет браться за философское наследие XX века, в особенности за тексты французской философской школы. Метод Алексея Зыгомонта позволяет одновременно мыслить понятия и образы на едином фронте, в общей работе, и потом дает ему свободно двигаться в описываемом им мире.

Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии (352 наименования). Общий объем исследования составляет 272 страницы.

В главе первой диссертации рассматривается ведущий образ раннего литературного периода Жоржа Батая, образ солнца. Солнце рассматривается как поражающий еще в детстве образ смешения чистого и нечистого, омерзительного и сияющего. Эта глава посвящена разработке образа солнца как диполярного объекта с тем, чтобы далее на протяжении книги перейти к тем понятиям, которые уже придут на смену образу, выйдут из него как из своего корня. Эти понятия в главе 2 постепенно дорастут шаг за шагом до «низменной материи», «агрессии», «крика», «эксцесса» и выйдут на «гетерогенное», то есть инаковое, место насилия, по сравнению с гомогенным — или профанным пространством, которое от насилия защищает, вытесняя его. В этих анализах на уровне пар понятий видна особая тонкость владения материалом у диссертанта. В отличие от привычных интерпретаций батаевской мысли о том, чем отлично гетерогенное от гомогенного через операторы «труда», «пользы» и т.д., он вводит куда более прямое и уместное, первичное отличие — и оно просто. «Гетерогенное» это то, что доводит до напряжения и явности, что поляризует в высшем конфликте то, что остается менее напряженным в гомогенном. Зигмунт удерживает единый «план» понятия, не пытаясь объяснять их через следующую пару, простой ее подстановкой, и этим методом он достигает того, что попадание в следующий шаг происходит на уровне создания нового переходного концепта, мыслительного усилия. Перед нами поднимается сетка батаевской мысли. Точно так же он не упускает из виду, что «насилие» обладает у Батая двойным статусом — это и пространство самого насилия, где оно правит, и тот акт насилия, который размыкает пространство профанное, это насилие исключаящее. Такие уточнения не просто указывают на неясности и Батая, а вновь позволяют диссертанту делать внутренние ходы в исследовании батаевского мира, и адекватно его описывать. Например, отвечать на вопрос, почему насилие обладает именно такой природой.

И уже из гетерогенного (глава 3) образуется понятие «сакрального», то есть пространства, нарушающего, поляризующего то, что выстроено и охлаждено в гомогенности и привычке. Смычкой между двумя пространствами с самого начала, с первого образа «солнца» является жертвоприношение. Жертвоприносительно и само сакральное пространство — точно так же как солнце — и тот ритуал, что размыкает своим насилием рутину. Но ради чего совершаются эти жертвоприношения? Образ солнца не давал ответа на этот вопрос — парой ему была «земля» и поддерживающей парой «жизнь со смертью», что еще очень далеко от вопроса о цели жертвоприношения у людей.

Участие в космическом процессе — слишком далекая причина, в некотором смысле еще слишком возвышенная.

Очень удачно в этом смысле найденное Алексеем Зыгмонтом и прослеживаемое на всех уровнях общее конструктивное движение этого мира. Оно проистекает из аналитики образа солнца — оно «возвышенно» и прекрасно, обладает статусом «истины» и «Блага» только если мы не смотрим на него, если оно вдали. Но чем ближе оно — тем страшнее, тем непристойнее, тем истребительней — по сути это тот объект среди мира объектов, после которого мы вообще больше ничего не сможем видеть. Посмотреть на солнце значит ослепнуть, или «стать солнцем» то есть погрузиться во тьму. И этому же движению приближения по сути дела подчинен и весь текст Алексея Зыгмонта в его исследовании развития мысли Батая. «Космогония» — повторим еще раз — это слишком еще поэтично и возвышенно. Недаром, вероятно, Батай становится все более научным, все более «объективным», «приземленным».

Ибо только пройдя батаевский путь от «солнца» к «сакральному» Алексей Зыгмонт формулирует основную ценность батаевского мира — она связана с достижением единения и особенной «интимности» именно людей, которая и является центром любого сообщества. И в главе 4 он использует те же самые операторы — интимности, сакральности, вытеснения, жертвоприношения — для описания новых сообществ, которые могут возникнуть на основе опыта жертвоприношения, на основе опыта саморастраты и непроизводительной экономики, первые концептуализации которой предложили Юбер и Мосс. Вместо солнца приходит человек с сиянием вместо головы, с отсутствующей головой, сгоревшей головой. А вместо космогонии — человеческое сообщество. Солнце буквально падает в человека. В этом смысле «насилие» — это то, как воспринимается отсутствие в природе индивидуальных границ с точки зрения индивидуального сознания. Человек — это и есть животное, отринувшее свою интимность с другими и миром, свою встроенность во всеобщее, и сохранившее память о ней лишь в жертвоприношении и осознании смерти. Ибо животное не осознает смерти и существует в анархичном мире, где насилие (солнце) правит всегда. И собственно сакральные объекты жертвоприношений это те, из которых изымается их польза, их отдельность, их вещьность. Они снова развеществляются, перестают быть наличными, становятся произвольными, ничем, частью потока. Новые сообщества, так же как и архаичные, будут теми, которые будут открывать доступ к интимной связи людей. В этом смысле неудивительно, что «социология» оказывается так близка Батаю — имманентный способ описания общества из самого себя возможен только на основе собственно межчеловеческих характеристик, с

точки зрения ритуалов повседневности, образующих социум — например, чистки до блеска башмаков или стакана вина, поставленного на стол.

К несомненным достоинствам диссертации принадлежит свободное владение образностью Батая. Она показывает мир Батая в его развитии. От простой полярности «земли» и «солнца», где земля и все, что на ней есть, участвует в общем насилии, а соответственно жизни, исследование показывает, как земля становится «скупой» и «холодной», то есть сферой индивидуации и рациональности. Точно так же традиционное понимание «сакрального» как биполярности возвышенного и низменного, сначала получает неравновесность конструкции — когда «сакральным» считается «проклятое», а «возвышенное» — это лишь сублимированное, переработанное «проклятое», а затем на финальной стадии — возвышенное уже не имеет к сакральному никакого отношения. Только постыдное, отринутое, неприкасаемое составляет подлинное ядро социума, ядро сакральности, его постыдной и желанной интимности.

В постепенном исследовании родственных, но развивающихся понятий, исследование показывает, как в них происходит переворот в понятии смерти и насилия. Сначала насилие было формой смерти, а под конец смерть уходит с лидирующих позиций. С этим связывается и переворот в политических планах самого Батая, который описывает диссертация, обозревая вместе с текстами и политические и духовные практики Батая: если в первой половине пути он рассчитывает, что реальная смерть кого-то, кто жертвует собой, приведет к созданию нового общества, чае революции и войны с капиталом, то во второй он этого уже не ждет. И если в первой части пути он считает, что последняя война, революция, направленная против мира «капитала», последняя война, которая закончит войны, преобразит мир, то во второй — происходит переоценка. И мир будет преображаться усилием одиночки. И так мы подходим к пятой главе диссертации, собственно занимающейся морфологией войны в контексте философии сакрального. И именно этот «контекст сакрального» дает различить Алексею Зыгмонту — после Второй мировой войны — опыт трех войн в передаче Батая. Войны архаичной, которая ведется в серии стычек, сменяется пирами и свадьбами и принадлежит области сакрального, современной — которая связана с полаганием государства, которое присваивает насилие себе, но использует его в политике и для своих целей, и войны с самим собой, которая ведется на разрушение собственных границ, выставляет субъекта в бесконечную тотальность мира, в интимность события с другими людьми, которые при этом тоже исчезают в открывшемся субъекте, поскольку насилие разрушает не только его, но и их границы. И он остается один. По сути, это ситуация того же предельного одиночества,

которое характеризовало философа в начале пути, но одиночества, которое умеет быть счастливым перед лицом смерти и неистребимого насилия мира.

Диссертация удивляет тем, как точно начинают «разбираться» нередко связанные и сплетенные до неясности темы Батая, сюжеты его собственной жизни, его практики и даже политические воззвания.

Диссертация поднимает множество важных философских сюжетов — многие из них центральные и трудные, но в силу объемности и точности избранного подхода, удается поговорить и о фигуре Ницше, и о Кожеве, разобраны многие параллельные Батаю мыслительные ходы его современников.

Итак, к новизне диссертации, на наш взгляд, принадлежит сама постановка вопроса и способ размыкания всех текстов Батая таким образом, что они читаются единым целым, примененная к этому методология, степень проработанности текстов Батая автором — ведь это первое подобное объемлющее исследование на русском языке.

Мы также обязаны автору многими переводами и уточнениями к переводу. И прежде всего разработкой самого понятия «violence», которое автор освобождает от эмоционально-чувственных коннотаций, возникающих в его русских переводах, и уводит наш способ думать о нем по куда более четкому и интеллектуально-валидному руслу, открывающему ментальные, а не просто аффективные горизонты. Выдержанность и последовательность, даже неспешность работы с этим накаляющим и убыстряющим мысль «понятием» — одна из заслуг данной работы.

Критических замечаний мы хотели бы отметить несколько, и связаны они не столько с содержанием работы, сколько с нераскрытыми в ней ее же возможностями:

—Желательно было бы ввести историческую часть темы «насилия», чтобы с одной стороны показать, через что выростала в обществе насущная потребность размышлять об этом концепте, и как — с другой стороны — сама философия в своем французском изводе, наконец, уперлась в его неодолимость и необходимость для рефлексии. Не то чтобы в работе не были упомянуты такие факторы как Первая мировая война или становление нового массового общества, но это именно что «упомянуто» — то есть сказано в нескольких фразах. А «ситуация» Франции не раскрыта вовсе. Однако поскольку речь идет о философе, чье философствование о мире росло из теории «себя», то совершенно было бы необходимо утвердить ту оптику, которую дает разглядеть так удачно найденное центральное понятие «насилие/священное» на конкретном опыте

исторического времени и обстоятельств. Тем более что сам Батай был более чем вовлечен в политическую борьбу XX века.

Речь идет не о формальности, а наоборот — выработке языка описания, чтобы насилие в его связке со священным предстало не просто «концептом», помогающим анализировать творчество Батая, а тою «вещью», с которой Батай — один из немногих — оказался готовым иметь дело, не отводя глаз (если пользоваться метафорой «солнца»). Подобно тому как Варлам Шаламов «столкнулся» с лагерем и — в отличие от многих, от большинства — осознал необходимость абсолютно иного мыслительного и стиливого соответствия такому опыту. Все остальные продолжали писать как в XIX веке.

— Из этого соображения также следует и наша критика языка описания. Безусловно, «вытянут» основной концепт, через который становится просматриваем весь корпус текстов Жоржа Батая, причем без нарушения их литературно-философской двусоставности. Оптика автора позволяет достаточно свободно и обозримо расположить «тело» предмета исследования. И тем не менее есть ощущение, что пока автор — и вероятно, для кандидатской работы этого достаточно — обрабатывает эти понятия как части единого конструктора. Он смотрит, как один концепт проистекает из другого, как стыкуются их края, в чем изменение контура. Местами это напоминает «лего», которое составляют в том или ином порядке. Кажется, что для того, чтобы заработала сама мысль Батая через передачу автора, не хватает некоего насилия или страсти, которая наденет по словам Батая на себя все эти концептуальные тела, как бусины. Найти центральный батаевский концепт — важно и нужно, но следующий важнейший ход: найти свой собственный концепт описания этого концепта. И с этим связано наше последнее соображение:

— В работе опять же вскользь упомянуты те философы, на которых «повлиял» Батай. Это определенный словесный ход, группировка материала, которая закрывает важное событие: последователи — не интерпретаторы, а ведущие мыслители французской сцены и они изобрели именно свой концепт описания батаевского концепта, который усилил это описание, перенес его в другой пласт, расширил его действие. Ибо что как не «насилие» правит в постструктурализме, в его работе с языком, с мыслью, я бы даже утверждала, что «грамматология» весьма близка «сакральной социологии» Батая, осуществляя жертвоприношение в самом языке философии. И здесь мы опять сталкиваемся с языковой проблемой: Батай делает открытие, которое прорабатывает и преобразует и его язык, а также язык французской философии особенно пост-военной, язык со смещенным центром, с учетом «насилия», с иным «предметом» рассмотрения. Точно так же как язык

гегелевской философии соответствует проекту описания и воссоздания движения Мирового духа, а язык ницшевской философии — демонстративности и актерству философского понятия внутри «отдельного» философского тела, точно так же и язык Батая соответствует или удерживает в себе некое событие универсального плана, которое подхватывают за ним и следующее поколения. Поэтому «рецепции» или философские возможности открытой или разработанной Батаем мыслительной стратегии — это приключения или проявления самого этого концепта. Тем более, что заявка именно на такое понимание работы Батая делается и в осознанном методологическом ходе диссертации — в опоре на методологию Жюль Делеза, которая несомненно должна содержать родственные Батаю черты для того, чтобы так удачно подойти к предмету своего описания.

Иными словами, данная диссертация содержит в самой себе вопрос о дальнейших поисках такого описания работы Батая, который бы совершенно по-новому актуализировал и сообщал нам его мысль в здесь и теперь. Сам характер его мысли о «насилии» требует акта мысли как ответного насилия, как единственного способа удержать живым. Именно поэтому нам были бы нужны имена маститых «взломщиков» и дешифровщиков — взломавших и переописавших, а значит, продолживших «насилие» Батая. Чтобы увидеть, как это делается.

Но все эти замечания совершенно не портят общего положительного впечатления от работы Алексея Зыгмонта. Работа представляет собой самостоятельное научное исследование с очевидными признаками научной новизны, авторской позиции, отличается цельностью изложения, логичностью аргументации, хорошим языком и глубоким знанием материала.

Основное содержание работы отражено в реферате, а также в публикациях диссертанта (в том числе и журналах ВАК).

Это позволяет утверждать, что научное исследование Алексея Игоревича Зыгмонта «Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая» в полной мере отвечает требованиям п.п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09. 2013г. № 842 с изменениями, внесенными постановлением Правительства РФ от 21.04. 2016 № 335, а его автор — Зыгмонт Алексей Игоревич — заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 — история философии.

Официальный оппонент

кандидат филологических наук

редактор издательства «Логос»

Ксения Олега Голубович

19 мая 2018

Подпись заверяю

Главный редактор издательства «Логос»

Олег Вячеславович Никифоров

«насилии» требует акта мысли как ответного насилия, как единственного способа удержать живым. Именно поэтому нам были бы нужны имена маститых «взломщиков» и дешифровщиков - взломавших и переписавших, а значит, продолживших «насилие» Батая. Чтобы увидеть, как это делается.

Но все эти замечания совершенно не портят общего положительного впечатления от работы Алексея Зыгмонта. Работа представляет собой самостоятельное научное исследование с очевидными признаками научной новизны, авторской позиции, отличается цельностью изложения, логичностью аргументации, хорошим языком и глубоким знанием материала.

Основное содержание работы отражено в реферате, а также в публикациях диссертанта (в том числе и журналах ВАК) .

Это позволяет утверждать, что научное исследование Алексея Игоревича Зыгмонта «Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая» в полной мере отвечает требованиям п.п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09. 2013г. № 842 с изменениями, внесенными постановлением Правительства РФ от 21.04. 2016 № 335, а его автор — Зыгмонт Алексей Игоревич — заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 — история философии.

Официальный оппонент
кандидат филологических наук
редактор издательства «Логос»
Ксения Олега Голубович
19.05.2018

Подпись заверяю
Главный редактор издательства «Логос»
Олег Вячеславович Никифоров

